



**Павел Козлофф**

**По Мясницкой  
по улице Кирова**

# Павел Козлофф

## По Мясницкой по улице Кирова

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=41260229](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41260229)*

*По Мясницкой по улице Кирова: стихотворения/ Павел Козлофф : ИПО*

*«У Никитских ворот»; Москва; 2018*

*ISBN 978-5-00095-599-4*

### Аннотация

Писатель Павел Козлов – это пять изданных книг, содержащих романы, повести и рассказы, с интересом встреченных читателем, положительно отмеченных литературной критикой. Его не раз определяли как автора «музыкальной прозы». В данной книге Козлов предстает уже чистым стихотворцем. Интеллигентно-ироничным, самобытным, бесспорно интересным. В его стихах нет и тени вторичности, и даже перепевки извечных поэтических тем звучат у автора по-своему.

Свои стихи автор слышит. И переносит на бумагу, лишь оформив услышанное мысленно и убедившись, что в звучании нет фальши.

Литературовед Евгений Маликов написал в одной из рецензий в газете «Завтра»: «В чем прелесть книг Павла Козлова? Он отсылает нас к тому славному времени, когда даже наедине с собой люди читали вслух, а слово звучало. Такой текст, даже читаемый про себя, есть слово звучащее, а оно и есть БОГ».

# Содержание

Нас не уронят	6
«По Мясницкой по улице Кирова...»	14
«Когда подует ветер с севера...»	15
«Не утомись сегодня туча, к нам дойдя...»	16
«Воистину бедствие – гроз...»	17
«Мораль моя и ценность интеллекта...»	18
«Зачем перелетные птицы летят...»	19
«О, подлежащее, влекомое сказуемым...»	20
«Пора сниматься, сядем на дорогу...»	21
«Мир рушился со скрежетом по швам...»	22
«Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах?...»	23
«За горы нас носило, за моря...»	24
«В картинной галерее, что в Лаврушинском...»	25
«Само собой не перемелется...»	26
«Не клеветци, злодей отъявленный...»	27
«Тебя отрадно встретить снова...»	28
«О, книг божественных страницы – лепестки...»	29
«Что костры инквизиции мерзкие...»	30
«Фиоритуры – это лесть...»	31
«Мой вымышленный друг совсем не рад...»	32
«Из театра представления...»	33
«В метро сегодня, окрыленные...»	34

«Грядущих дней в остатке чисел мало верст...»	35
«Смятение в глазах и блеск отчаянный...»	36
«Мой ангел, голубка моя...»	37
«Снег выпал только в феврале...»	38
«Не всё повально время лечит...»	39
«Где гуртом полчища вороны...»	40
«Те годы детские советские...»	41
«Я, заворачивая за угол...»	42
«Кто вас придумал, плиты тротуарные...»	43
«Всё в жизни надоело до черта...»	44
«В конце Проспекта Мира у обочины...»	45
«Открой свои дороги, небо звездное...»	46
«Мы ехали, мы мчались через лес...»	47
«Святой Вертеп с волхвами у порога...»	48
«Никак Москва ликует...»	49
«Он приближается – разглядывайте краски...»	50
«Забава с Новым годом миновал...»	51
«Распутица – отнюдь не благодать...»	52
«Ночь пьяна и темна, замело все пути и дороги...»	53
«Снега забиты выюгами в сугроб...»	54
«Спросите Даниила Хармса...»	55
«Поеду в деревню, наверно...»	56
«Если вы пишете слева направо...»	57
«Не будет ничего плохого...»	58
«Наверно, выюга виновата...»	59

«На острове Шпицбергене не знают непогод...»	60
«Мальвина бежала в чужие края...»	61
«От туманного проблеска поздней зари...»	62
«В лесу у тихой заводи...»	63
«Ноябрь в последних числах на бег...»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

# **Павел Козлофф По Мясницкой по улице Кирова**

## **Нас не уронят**

### **Об авторе и его стихах**

Павел Козлофф более известен, наверное, всё же миру балетному, нежели сугубо литературному. Все-таки он был солистом балета в музыкальном театре им. Станиславского, работал и в США – в группе «Колорадо-балет» (педагогом и балетмейстером). Однако относительно недавно года склонили его к относительно суровой прозе. Относительно – потому что он уже издал несколько замечательных – и замеченных – книг. Криминальную драму «Роман для Абрамовича», сборники повестей и рассказов. А сурова его проза тоже относительно – она слишком музыкальна. Она ритмизованна. Написана стихами, иногда рифмованными, иногда – нет.

Теперь Павел представляет широкой читающей публике именно стихи.

Те, что «в столбик».

Я был на его выступлении в ЦДРИ (Центральный Дом работников искусств). Читает он великолепно, слушали его с восторгом. Но стихи – жанр гораздо более камерный, чем тот же балет. Стихи лучше читать, а не слушать. Один на один. На Западе, если что, идут к психологу. У нас – к приятелю на кухню, чтобы распить бутылку-другую. Стихи – часто – могут заменить упомянутого приятеля с бутылкой. И похмелья нет. И читать можно не один, а сколько угодно раз. Ну разве, например, подобное может не утешить?

*Мне для решительного шага  
Совет был в молодости дан:  
Вас ждет Париж, вас ждет Гаага,  
Вас ждет стремительный роман.  
Сорокаградусная влага  
И самый лучший ресторан.  
С тех пор прекрасная Гаага  
Все ждет решительного шага!*

Вот что я вам скажу, уважаемые Париж и Гаага, – не дождетесь. А знаете почему? Да потому что есть такая земля – Москва.

*...И, Садовым кольцом опоясанный,  
Задержусь возле Красных ворот.  
Пусть погода сегодня не ясная,  
Но я слышу, как сердце поет.*

Козлофф – удивительно московский поэт. Живет и родился в Москве, тут все понятно, но он еще и живет Москвой, ее духом и ее буквой:

*В метро сегодня, окрыленные,  
Все с красной ветки на зеленую.  
Да и с оранжевой на синюю  
Все молодые и красивые...*

Не всё и не всегда, увы, так радужно. В любимом городе и упасть можно. Скользко. Плюс вечная стройка. «Улучшения» и «благоустройство», когда они уже кончатся наконец!..

*Кто вас придумал, плиты тротуарные!  
Для истребления народа он был прав!  
Отсюда переломы рук ударные  
И в гипсе тазобедренный сустав.*

*Пока до «скорой» я страдал на Баррикадной,  
У перехода на коварном вираже,  
Народ все падал, поднимался, снова падал  
И обессилевал опять вставать уже.*

Поэт падает, ему больно, а мы улыбаемся. У него настоящий перелом, но стихотворение шуточное. Оно и ему помогло, уверен, и нам может помочь.

В сборнике Павла вы встретите не только нашу любимую Москву, но и другие города и страны (не менее прекрасные),

в сборнике множество самых разных имен и лиц, невероятно интересных. Они поэту как родные, как близкие приятели.

А все же от Москвы не уйти. И не надо, я считаю:

*Изъезжен город славный мой, исхожен,  
Маршруты все изведаны, пути.  
Одно меня порой желанье гложет —  
От Пушкинской до Сретенки пройти.*

*Ночная тишь машинный шум стреножит,  
Встревоженному эху нет конца,  
И вряд ли где найдешь конец, похоже,  
Безлюдного Бульварного кольца.*

Павел не сатирик и не юморист, в его стихах лишь добрая усмешка, и всегда, разумеется, только над собой:

*У меня растут года,  
Мусы и борода  
Сделались седыми.*

*Но как прежде юн и свеж  
Взгляд глазами цвета беж,  
Умными такими.*

Кстати (или некстати – неважно), немного отвлекусь. На-счет двух «ф» в фамилии. Ну, а куда деваться? В России иметь фамилию «Козлов» – все равно что не иметь никакой.

Знаете, сколько писателей с такой фамилией? С ума сойти.

Я работаю в газете, где печатаются книжные рецензии. Так вот, однажды мы написали про книжку писателя Владимира Козлова (довольно известный прозаик). Но, как выяснилось, есть еще один Владимир Козлов, чуть более молодой, но тоже уже известный. Разумеется, мы их перепутали. Обиделись, кажется, оба. Так что я вполне понимаю Павла, а писать буду «Павел», а не по фамилии, потому что фамилию «Козлофф» трудно склонять.

Так вот, Павел – невероятно московский поэт. Но, конечно, в стихах его не только Москва. Тут много музыки, что понятно и естественно. Иногда она проступает настолько тонко, настолько сказочно и остроумно, что диву даешься:

*У кошки Матильды ее отбирают кота,  
Не ради корысти, а для исторической правды.  
Его не коснулась, поверьте, ее фуэта,  
А если б коснулась, то он бы отвергнул, поправ бы.*

Именно же «фуэта». Здесь, согласитесь, не только музыка на ум идет, но и, сами понимаете – фуэта фуэт и всяческая фуэта.

А вот какое замечательное совершенно продолжение Пушкина А. С. (напоминать не стану, сами, конечно, знаете):

*Снег выпал только в феврале  
И был настолько изобилен,*

*Как говорил – ты не жилец  
На нашей матушке-земле.  
Лишь тьмой недюжинных усилий  
Я откопался наконец.*

А здесь – вообще только музыка, и ничего кроме музыки.

*Не клеветцы, злодей отъявленный,  
Что мы без радости живем.  
Цветет черемуха и яблоня,  
И светит солнце за окном*

*И нам природою объявлено,  
Что скоро сможем перед сном  
Услышать соловья Алябьева,  
Не на ютубе, а живьем.*

Да уж какой там, извините, ютуб. Да, современные врываются во всё – и в стихи тоже. И хотят нагадить, да только у них ничего не получится.

Потому что – черемуха и яблоня. И соловей Алябьева – живьем.

И все же главный герой, точнее главная героиня, именно Москва. Несмотря на историю, несмотря на театр, несмотря ни на что

*... Свое пристрастье вкусами  
Не упустив из виду,*

*Я в переулке Брюсовом  
Райх встретил Зинаиду.*

*«Твой сон не в руку», – скажете,  
С лицом в надменной mine.  
Зато не надо в гаджете  
Мне их искать отныне...*

Никаких гаджетов, милые. Ну их. Тем более что:

*Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах,  
Безумства и радость в тех юных далеких годах.  
Из горлышка пили порой на бульваре «Агдам»...*

«Агдам»... Кто пил – не забудет. Но я сейчас про Чистые пруды.

Стоял я как-то на трамвайной остановке «Большой Харитоньевский переулок». Увидел Павла. Он шел с двумя воздушными и прекрасными девушками. Остановка примыкает к самому Чистопрудному бульвару а Павел шел по тротуару через дорогу. Собрался я было уже окликнуть его, но подошел трамвай. К тому же он шел с двумя небесными созданиями, а я ехал на какое-то отвратительное литературное мероприятие – бухать с какими-то мерзкими литературными деятелями. Короче, не стал я его отвлекать и окликать.

Может, и зря, кто знает?..

*...Я сказал им – мой дом вдалеке,*

*У меня остановка другая.  
Но мой голос заглохнул в тоске,  
И меня уронили с трамвая.*

*Отпусти, боль тупая в виске,  
Мне бы ехать от края до края.  
Только слышится в каждой строке,  
Что меня уронили с трамвая.*

Что тут сказать? Разве что, перефразируя когда-то популярную попсовую песенку, – нас не уронят.

Нет, Павел, нас не уронят.

В том числе и потому, что вышла такая замечательная книжка, в которой так много истинно целебных стихов.

*Евгений Лесин*

*Когда пришло время сиять – будь самым ярким.  
Ван Дэшунь*

## «По Мясницкой по улице Кирова...»

По Мясницкой по улице Кирова,  
Нога за ногу еле впопад,  
Нараспашку душой иду с миром я,  
Мне ни Киров, ни мясо не брат.

И, Садовым кольцом опоясанный,  
Задержусь возле Красных ворот.  
Пусть погода сегодня не ясная,  
Но я слышу, как сердце поет.

# «Когда подует ветер с севера...»

Когда подует ветер с севера  
И станет сильно холодеть,  
Я окончательно уверю,  
Что очень можно умереть.

А то живешь необязательно,  
Жизнь подрубая на корню.  
Глубин морщин не скроешь шпателем,  
Как под одеждой грустных Нью.

# «Не утомись сегодня туча, к нам дойдя...»

Не утомись сегодня туча, к нам дойдя,  
Тогда бы не было вечернего дождя.  
Не напитай обильно влага все кусты —  
Не вскрыть бутонов вам, волшебные цветы.

Не будь меж предками любовного огня,  
Тогда бы не было такого вот меня.  
А не изведай я поэзии греха —  
Не написал бы строки данного стиха.

## «Воистину бедствие – гроз...»

Воистину бедствие – грозы  
Над нашею грешной землей.  
Июль разнолик и нервозен,  
Ни с кем не сведен в симбиозе  
И сам недоволен собой.

Кругом откровенное плохо,  
Размаха не видится крыл,  
Закат – что оскал скомороха,  
И Петр и Павел со вздохом  
День светлый на час сократил.

# «Мораль моя и ценность интеллекта...»

Мораль моя и ценность интеллекта  
Рождаются из моего нутра.  
Как четкий абрис Невского проспекта  
Родился только волею Петра.

А если ты случайно недалекий,  
Тебя никак в Спинозу не развить.  
Белеет парус, парус одинокий,  
И никаким другим не может быть.

# «Зачем перелетные птицы летят...»

Зачем перелетные птицы летят —  
Оседлые птицы не знают.  
Не можно сказать, что вернуться назад,  
За далями всяко бывает.

И я в предназначенный час улечу  
За Альфу иль Бету Центавра.  
И в новых небесных стихах зазвучу  
Со всею вселенной на равных.

## **«О, подлежащее, влекомое сказуемым...»**

О, подлежащее, влекомое сказуемым,  
И в обрамлении второстепенных членов!  
Я рад упиться синтаксическим безумием  
И быть готовым к языковым переменам.

Хотя и вышли все мы из «Шинели» Гоголя,  
Однако, видит Бог, не для того,  
Чтоб стихотворными потугами убогими  
До муки слез расстраивать его.

## **«Пора сниматься, сядем на дорогу...»**

Пора сниматься, сядем на дорогу,  
Здесь сумрачно и призрачны пути,  
Но кое-где пустыня внемлет Богу,  
Что исподволь толкает нас идти.

Сквозь тернии карабкаясь на ощупь,  
Вгрызаясь аки зверь в земную твердь,  
Мы движимы одним вопросом общим —  
Зачем нам надо жить и умереть.

## **«Мир рушился со скрежетом по швам...»**

Мир рушился со скрежетом по швам,  
Я вышагал бульвара утлый остров.  
Как парус на маяк, легко и просто,  
Я двинулся к надменно ждущей Вам.

И в сумерках, в объятьях толчеи,  
Меж глыб автомобильного тороса,  
Я понял вдруг, что мы обречены,  
Что жизнь не знает знака переноса  
Как спаса от сумы и от тюрьмы.

# **«Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах?...»**

Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах?  
Безумства и радость в тех юных далеких годах.  
Из горлышка пили порой на бульваре «Агдам»,  
И думать не думали ехать тогда в Амстердам.

Отнюдь не голландского глаженья утром лицо,  
Трещит голова, будто в ней «Нибелунга кольцо»  
И думать не думали, может – гадали, скажи,  
Куда заведет нас дорога с названием жизнь.

# «За горы нас носило, за моря...»

За горы нас носило, за моря,  
В пустыни и заоблачные дали,  
Мы крепкие настойки декабря  
Глинтвейном в наши души заливали.

За то, что я живой, прости меня,  
Не следует считать меня умершим.  
В борьбе за каждый малый проблеск дня  
Мы жизнь ещё немножечко удержим.

Сквозь мелкие прорехи бытия  
Смерть выглядит одной из привилегий.  
Доверчиво проста судьба моя:  
От альфы через дельту до омеги.

## «В картинной галерее, что в Лаврушинском...»

В картинной галерее, что в Лаврушинском,  
Писательского дома под стеной,  
Встречают нас с досадным равнодушием  
И Репин, и Поленов, и Крамской.

Но Врубеля полотна величавые —  
И Демон, и сиреневый развал —  
Хранят в своих мазках печать отчаянья,  
Поддался наважденью – и пропал.

# «Само собой не перемелется...»

Само собой не перемелется,  
Что рождено помимо нас.  
Путем-дорогой поле стелется,  
Однако тьма, хоть вырви глаз.

И, продвигаясь в жизни ощупью  
Вослед рецепторам души,  
Я размышляю: а не проще ли  
Не размышлять, а просто жить?

# «Не клевети, злодей отъявленный...»

Не клевети, злодей отъявленный,  
Что мы без радости живем.  
Цветет черемуха и яблоня,  
И светит солнце за окном.

И нам природою объявлено,  
Что скоро сможем перед сном  
Услышать соловья Алябьева,  
Не на ютубе, а живьем.

# «Тебя отрадно встретить снова...»

Тебя отрадно встретить снова,  
Я друга сразу узнаю.  
Ты будешь мучеником слова,  
Я душу чувствую твою.

А на меня надейся смело,  
Не сомневаюсь – разглядел.  
Я буду мучеником дела,  
И мы свершим немало дел.

Но если рассуждать речисто,  
Нас ждет такой апофеоз.  
Мы будем оба люди свиста,  
И нас чуть что – так на мороз.

# «О, книг божественных страницы – лепестки...»

О, книг божественных страницы – лепестки,  
О, чудо-песнь: Россия, Лета, Лорелея.  
Вы полюбились мне, рассудку вопреки,  
И я об этом никогда не пожалею.

Ну а все люди по природе – что жуки,  
И каждый мнит себя потомком скарабея,  
С кем стать товарищем, кого принять в штыки,  
Нужна решимость разобраться, не робея.

И пусть не умники кругом, не дураки,  
Не пышут злобой, не разносчики еля.  
Жизнь проживать свою – совсем не пустяки.  
То жаром вспыхивая, то огарком тля.

# «Что костры инквизиции мерзкие...»

Что костры инквизиции мерзкие?  
Что костёр девы Жанны Д'Арк?  
Взвились ярче костры пионерские,  
Красно-пламенный детства угар.

Помню, раз в одно утро туманное  
Речь несвязную молвила ты,  
Что мы просто смешные и пьяные,  
Запоздавшие в осень цветы.

## «Фиоритуры – это лезть...»

Фиоритуры – это лезть,  
Вокала трепетного перлы.  
Из глубины вдоха к высям лезть,  
До муки слез щекочет нервы.

Семь раз отмерь и трижды взвесь,  
Еще не факт, что будешь первым.  
Зато невежество и спесь  
С тобою встретятся, наверно.

Какое счастье, что мы здесь,  
Светлы душой и не манерны.  
Живем и радуемся днесь,  
И все уйдем закономерно.

# «Мой вымышленный друг совсем не рад...»

Мой вымышленный друг совсем не рад  
Сознанию, что он живет как раб.

Свобода, по-французски *liberte*,  
Наверное, засветит нашим детям,  
Как в наши дни ворвалось фуэте,  
Рожденное еще когда Чекетти.

А нам по жизни некогда весна  
Обманным эликсиром послужила,  
Как флаги революции, красна,  
Со звездами, что сгустком крови в жилах.

## «Из театра представления...»

Из театра представления —  
В театр переживаний.  
Устав от ночи бдения,  
Заснул я на диване.

Москва, назад столетие,  
Открыла мне кулисы.  
Таирова там встретил я,  
И Коонен Алису.

Свое пристрастье вкусами  
Не упустив из виду,  
Я в переулке Брюсовом  
Райх встретил Зинаиду.

«Твой сон не в руку», – скажете  
С лицом в надменной mine.  
Зато не надо в гаджете  
Мне их искать отныне.

# «В метро сегодня, окрыленные...»

В метро сегодня, окрыленные,  
Все с красной ветки на зеленую,  
Да и с оранжевой на синюю  
Все молодые и красивые.  
И, словно свита триумфатора,  
Все скопом ввысь по эскалатору.

И даже мне больные нервы  
День марта календарный первый  
Сумел всерьез разбередить.  
Всё потому, что бог Ярило,  
Со всей космической силой,  
Явил языческую прыть.

## **«Грядущих дней в остатке чисел мало верст...»**

Грядущих дней в остатке чисел мало верст,  
Сны в колыбели, жизни выстрел и погост.  
Куда теперь, скажи, субстанция моя,  
И неужели знать о том не вправе я?

Увы – не дадено почившей в бозе деве  
Хоть малой толикой намека рассказать,  
Какие слышатся ей райские напевы,  
Что ублажает ее мертвые глаза.

## **«Смятение в глазах и блеск отчаянный...»**

Смятение в глазах и блеск отчаянный,  
Защитная готовность на все сто.  
Кто будешь ты, попутчица случайная,  
В раструбе долгополого пальто?  
Не скромности удел ходить по лезвию,  
Жизнь вовсе не арена Шапито.  
Мне кажется – я знаю, ты – поэзия,  
Но как посметь сказать тебе про то?

# «Мой ангел, голубка моя...»

*Зое Бру*

Мой ангел, голубка моя!  
Тебя, будь то время иное,  
Писал бы Кранах, сыновья,  
И Гойя, конечно же, Гойя.

Тебя бы, упорствую я,  
С охотою пуще неволи,  
Воспели Жорж Занд и мужья,  
И опусы Сартра Жан-Поля.

И даже сквозь трель соловья  
В час сумерек поздней весною  
Мне слышится песня твоя,  
И имя волшебное – Зоя.

# «Снег выпал только в феврале...»

Снег выпал только в феврале,  
И был настолько изобилен,  
Как говорил – ты не жилец  
На нашей матушке земле.  
Лишь тьмой недюжинных усилий  
Я откопался наконец.

# «Не всё повально время лечит...»

Не всё повально время лечит,  
Да кто ж от счастья бежит?  
Как ты пришла ко мне под вечер,  
Воспоминания свежи.

И день был серенький, неброский,  
Да и закат не пламенел.  
Но этой встречи отголоски  
Досель колышутся во мне.

# «Где гуртом полчища вороны...»

Где гуртом полчища вороны  
С утра клевали требуху,  
Теперь там солнечные кони  
На кристаллическом снегу.

И небеса, что цвета стали,  
Совсем светлы, как посмотреть.  
Мы жизнь без страха принимали,  
Где ужас в слове *умереть?*

# «Те годы детские советские...»

Те годы детские советские  
Среди дворовых райских куш,  
Они – как пляски удалецкие.  
Дитя был весел, но тщедуш.

Его пленила математика,  
Сильнее химий и историй,  
От хулигана до догматика  
Диапазон весьма просторен.

И до сих пор им не забыто,  
С литературой не был в ссоре,  
Как дедка с бабкой у корыта  
Вели разборки возле моря.

# «Я, заворачивая за угол...»

Я, заворачивая за угол,  
Привычно сбрасываю хвост,  
Равно как все исчадья Дракулы,  
Оберегают свой погост.

Цвела черемуха да выцвела,  
Стоит в бутонах бузина.  
Душа в накале – ждите выстрела,  
Первопричина не важна.

Так корабли, поэты плаванья,  
Стремятся в гавани стареть,  
Чтоб оживлять воспоминания,  
Когда минует время петь.

# **«Кто вас придумал, плиты тротуарные...»**

Кто вас придумал, плиты тротуарные!  
Для истребления народа он был прав!  
Отсюда переломы рук ударные  
И в гипсе тазобедренный сустав.

Пока до «скорой» я страдал на Баррикадной,  
У перехода на коварном вираже,  
Народ всё падал, поднимался, снова падал  
И обессилевал опять встать уже.

# «Всё в жизни надоело до черта...»

Всё в жизни надоело до черта,  
Но сам я делаюсь не свой,  
Когда услышу звуки Моцарта,  
Аллегро из Сороковой.

И мне особо дорог Лермонтов,  
И мутный англичанин Байрон  
За то, что были интровертами  
В своей поэзии печальной.

# «В конце Проспекта Мира у обочины...»

В конце Проспекта Мира у обочины,  
Где Мухиной Колхозница с рабочими,  
У станции метро ВДНХа,

Мне вспомнилось, как были мы ребенками,  
Все ленинцами, пионеро-звонкими,  
Чья поступь в коммунизм была легка.

С тех памятных времен прошли года,  
И все мы разлетелись кто куда.

# «Открой свои дороги, небо звездное...»

Открой свои дороги, небо звездное,  
Рейс более стремителен, чем рейд.  
Нам редко выпадает ехать поездом,  
Все чаще самолетом через *gate*.

Пора признать – мы птицы перелетные,  
Не с тем, чтобы попасть под теплый кров,  
Всегда в дороге – наша подноготная,  
А что дороже этой пары слов?

# «Мы ехали, мы мчались через лес...»

*Анне Бру*

Мы ехали, мы мчались через лес,  
Ни версты, ни секунды не считая,  
С особенным вниманием и без,  
Что жизнь, такая хрупкая, крутая.

Поставь в гараж свой красный «мерседес»  
И, тихо Касту Диву напевая,  
Возьми бокал, налитый под обрез,  
Напитанного солнцами Токая.

Под насыпью – ты помнишь те стихи?  
Лежит во рву и смотрит как живая,  
Прощенная уже за все грехи,  
Красивая, как ты, и молодая.

А ночь когда заступит за порог  
И сон уже застит твои ресницы,  
Пускай тебе приснится Саша Блок,  
И врубелевский Демон пусть приснится.

# **«Святой Вертеп с волхвами у порога...»**

Святой Вертеп с волхвами у порога,  
Как промысел наивной простоты,  
Народный театр ко дню рожденья Бога,  
Где все так вдохновенны и чисты.  
А дальше – заповедная дорога  
Впрямую от звезды и до воды.

## «Никак Москва ликует...»

Никак Москва ликует?  
Виньетки в кружевах.  
Как выйдешь на Тверскую —  
Так тут же скажешь: «Ах!»

Заморская картина,  
Чудачества извне,  
Вихляют серпантином  
При русской старине.

И я скажу: «Усердствуй» —  
Восторгу своему.  
Пусть будет праздник сердцу  
В противовес уму.

# «Он приближается – разглядывайте краски...»

Он приближается – разглядывайте краски,  
Исконно русский, а не финно-англосакский,  
Дедуля славный, взявший посох для остратки,  
Товарищ в валенках, напяливший халат.

С девицей снежною за ручку, не в обнимку,  
Довольно строго, без намека на ужимки,  
Весь в оперении бравурных звуков Глинки,  
Параден обликом, в общении простоват.

И непростительно в личине новомодной  
Нравоученьем укорять себе подобных  
За бесшабашное веселье торжества.

Куда как проще подойти и слиться с ними,  
Назвать согражданами добрыми своими  
И разгуляться в славном городе Москва.

# «Забава с Новым ГОДОМ МИНОВАЛ...»

Забава с Новым годом миновала,  
На улице уныло и темно,  
И Муза та, что Данту диктовала  
Страницы ада – мне стучит в окно.

Не ведая, что с этой дамой делать,  
И сильно опасаясь оплошать,  
Я шторы запахнул рукою смелой  
И сразу завалился снова спать.

# «Распутица – отнюдь не благодать...»

Распутица – отнюдь не благодать,  
Подумалось мне вдруг перед обедом.  
Я должен с этой мыслью переспать,  
А уж потом кому-нибудь поведать.

Красавица! Какие грудь и стать,  
Цветок открытых чакр и аюрведы.  
Блаженство этой дамой обладать,  
Назло весьма надменному соседу.

Бессонница, Гомер, опять, опять,  
И сорок восемь тысяч братьев следом.  
Пора уже, пора коней менять,  
Причислив поражения к победам.



## **«Снега забиты вьюгами в сугроб...»**

Снега забиты вьюгами в сугроб,  
На улице декабрь в последних числах,  
И звезды нам рисуют гороскоп,  
Исполненный особенного смысла.

Не путай нас сомнением игривым,  
Не стопори событий круговерть.  
По промыслу – нам надо жить красиво,  
По случаю – красиво умереть.

# «Спросите Даниила Хармса...»

Спросите Даниила Хармса,  
Как было в Питере тогда,  
Всё так же Невский устремлялся,  
И все сновали кто куда.

Всё так же площади Дворцовой  
Торжествовал парадный вид,  
И Петр, медный и суровый,  
Как некогда писал пиит.

И Хармс, как этакий Гудини,  
Взлетал порой на парапет.  
Дороги неисповедимы,  
И что такое сотня лет!

# «Поеду в деревню, наверно...»

Поеду в деревню, наверно,  
Найду браконьера в лесу,  
И, может быть, тридцать первого  
Я елку тебе принесу.

И тихо поведает хвоя,  
Ладоней тепло храня,  
Что вовсе того не стою,  
Что сделала ты для меня.

# «Если вы пишете слева направо...»

Если вы пишете слева направо —  
Вы англосакс или рос.  
Если вы пишете справа налево,  
Кто вы – огромный вопрос.

Если вы ходите где папуасом,  
Не прикрываете срам...  
Все эти «если» придуманы разом  
Кем-то неведомым нам.

# «Не будет ничего плохого...»

Не будет ничего плохого,  
Пока не встретишь ты другого,  
Пока когда-нибудь под вечер  
Уже нигде тебя не встречу.

Пока не встрянут злые люди,  
Пока не сменится эпоха.  
С тобой плохое вряд ли будет,  
Но как же мне вдруг станет плохо.

# «Наверно, вьюга виновата...»

Наверно, вьюга виновата,  
Она напала, как монгол.  
Нас снег окутывал, как вата,  
Нас ветер, как зерно, молот.

Он на щеке слезину выжог,  
Но знаешь – умереть в пургу  
Куда почетнее, чем выжить  
В своей берлоге на боку.

# **«На острове Шпицбергене не знают непогод...»**

На острове Шпицбергене не знают непогод,  
Вокруг стоят течения, закованные в лед.  
Норд-Остами, Зюйд-Вестами проносятся ветра,  
И жизнь безынтересная, что завтра, что вчера.  
Но иногда по праздникам над этим миром льда  
Сияет безотказная Полярная звезда.

# «Мальвина бежала в чужие края...»

Мальвина бежала в чужие края,  
Так было рассказано детям.  
Услышав о том, впали в грусть ты и я,  
А сказочник был нашим третьим.

И Таня бежала в чужие края,  
Решив, что там берег желанный.  
О ней вспоминают порою друзья,  
Негаданно, вдруг и неожиданно.

И Марья Иванна в чужие края  
Бежала с оказией тоже.  
Ах, Марья Иванна, родная моя,  
Держитесь, Господь Вам поможет.

И я собираюсь в чужие края,  
Хотя размышляю под вечер:  
А стоит овчинка того громадьё?  
Тех нет, а иные далече.

# «От туманного проблеска поздней зари...»

От туманного проблеска поздней зари,  
Поутру поднимаемся вяло.  
Немота уступает поре говорить,  
И лежанье хождением стало.

Бодрость мозгу успешно дает кофеин  
Минус скрепа с сигарным угаром.  
И в душе возникает назойливый гимн,  
Как отмстить неразумным хазарам.

## «В лесу у тихой заводи...»

В лесу у тихой заводи,  
Где плещется вода,  
Я думал – знать бы загодя,  
Когда придет беда.

Когда, в каком обличий,  
В который день в году...  
Я с полным безразличием  
Тогда к ней подойду.

## «Ноябрь в последних числах на бег...»

Ноябрь в последних числах на бегу,  
Земля покрылась снежной порошей,  
И ветер сквозь поземку на снегу  
Мне письма пишет: ГОСПОДИН ХОРОШИЙ!

В начальных строках данного письма  
Уведомляю Вас, что осень миновала.  
По Цельсию пора сидеть в домах,  
А не шататься днем и ночью где попало.

Год уходящий уже несколько недель,  
Точнее дольше – хитро смеживает веки,  
Всласть наглядевшись на земную канитель,  
Которой заняты все люди-человеки.

Однако, очевидно, не впустую.  
Повинной голове не нужен меч.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.